

П. Н. БЕРКОВ и В. И. МАЛЫШЕВ

Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века

(„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“)

Относительно небольшой репертуар русских повестей первой половины XVIII века, обычно называемых „повестями петровского времени“, или „петровскими повестями“, пополнился приобретенной недавно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“.

На первый взгляд новая повесть производит впечатление произведения не оригинального: действие ее происходит во Франции и Испании, героями являются иноземные придворные „жовалеры“ и дамы и французский король; сюжет ее образуют „нистрига“ (интрига), затеянная французским генерал-фельдмаршалом против Карла, и разоблачение этих козней остроумной и энергичной Софией. Никаких упоминаний о России и о русских в повести нет.

Тем не менее, можно с определенностью утверждать, что „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ не является переводом, а представляет русскую разработку этого сюжета, разработку, подсказанную, повидимому, некоторыми придворными событиями второй четверти XVIII века. То же обстоятельство, что события новой повести разворачиваются во Франции и Испании, не противоречит сказанному выше об оригинальном ее происхождении: ряд повестей 1730-х, 1750-х годов, в особенности „Гистория королевича Архилабона“ Петра Орлова (1750),¹ обладает этой же отличительной чертой. Следует отметить, что с „Гисторией королевича Архилабона“ новонайденная повесть имеет много общего, особенно в языковом отношении.

Стилистически и по содержанию новая повесть представляет несомненный интерес и восполняет наши знания о судьбе этого жанра в России в XVIII веке. Наличие двух сказок в „Русских народных сказках“ А. Н. Афанасьева (№ 336 и № 337), безусловно связанных с „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, ставит вопрос об отношении этой повести к фольклорным произведениям, бытовавшим в иной социальной среде.

---

¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 90—107.

Сведения о новой повести, появившиеся в печати,¹ вызвали к ней интерес различных советских исследователей — в Иркутске, Москве и других местах; поэтому публикация „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ вполне своевременна.

I

Название новонайденного беллетристического произведения в рукописи отсутствует, так как первый лист ее, равно как и два листа в конце (последний и второй от конца), до нас не дошли; название публикуемой повести дано издателями по аналогии с другими произведениями этого жанра, относящимися к первой половине XVIII века.

Рукопись „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ представляет собой отдельную тетрадку в 8-ку, на 24 листах, написанную скорописью конца XVIII века, точнее — 80-х годов XVIII века. Бумага рукописи серого цвета, имеет водяной знак, в котором можно разобрать картуш с буквами *P O*, и на одном листе цифру 8.

Оборотная сторона теперешнего последнего листа настолько запачкана и стерта, что находящийся на ней текст с трудом поддается прочтению.

В рукописи несколько раз встречаются квадратные скобки с текстом. Впрочем, в одном случае в квадратные скобки взято слово „дочь“, ошибочно попавшее в текст, очевидно, при переписке (л. 12), в другом — по тем же причинам — заключено в квадратные скобки слово „стоила“ (л. 17 об.) и т. д. Несколько раз встречается повторное написание одного и того же слова („оним“, л. 12; „рука“, л. 18; „во всю“, л. 18; „король“, л. 21 об.). Есть и несомненные пропуски слов („самому и всей моей фамилии [конец] прит'йти [должен] будет“, л. 10; „что, конечно, [должен] сыскать опись для обличения сего камор-юнкера“, л. 9 об.).

Все это признаки того, что перед нами не оригинальная рукопись — протограф, а копия. Наличие нескольких не совсем ясных мест („разделайся с нею, чтобы т[ы] жил от ней больше не слыхал“, л. 20 и др.) говорит за то, что скорее всего перед нами копия с копии. Тем не менее, все же текст рукописи — хорошей сохранности; отсутствующее начало легко восстанавливается по афанасьевским сказкам № 336 и № 337; утраченный в значительной части конец, насколько можно судить по уцелевшим остаткам его, представлял подробное описание церемониала наречения Софии невестой короля Максимиана и последующей свадьбы, награждения придворных и т. д. Иными словами, не дошедший до нас конец повести не содержал новых элементов развития сюжета, а состоял только из подробностей описательного характера, возможно не случайных в композиции произведения, а отвечавших интересам автора и предполагавшегося круга читателей.

По листам рукописи имеются следующие записи и пометы, сделанные в XIX веке: 1) „Список Ружнова Василия, 1811 год“; 2) „Сия книга принадлежит Ивану Кузмову Щекотову, в 1830 года, июля 2 дня“; 3) „Александровском складе“; 4) „Пором“; 5) „Из Устуга (Устюга)“; 6) „Ружнов“; 7) „Иван Щекотов“; 8) „С Мамери“. Пометы 4—8 сделаны одним и тем же почерком, принадлежавшим лицу малограмотному.

Приобретена была рукопись от А. В. Кулаковой в г. Вельске Архангельской области в июле 1950 года. Рукопись принадлежала отцу

¹ Газета „Правда Севера“ (Архангельск), 22 октября 1950 г.; Вопросы истории, 1950, № 11, стр. 174; В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке: 1950 г. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 371.

ее, В. Ф. Кулакову (1867—1945), крестьянину-самоучке, известному местному краеведу и коллекционеру, который, по словам дочери, приобрел „Повесть“ в г. Великом Устюге, на толкучке.¹

II

„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, как можно предполагать, привлекала читателей XVIII века не только своей сложной и занимательной фабулой. В этом произведении тогдашние читатели встречали образ смелой решительной женщины, которая умно разоблачает клеветника, пытавшегося опорочить ее женскую честь. Интерес передовой литературы к такому женскому типу наблюдается уже во второй половине XVII века, привлекая внимание писателей к народным сказкам о верной жене, добродетельной девушке, умно защищающейся от клеветников и соблазнительей. В литературном выражении такого положительного женского образа, начиная с конца XVII века, нередко можно обнаружить отражение определенных народно-сказочных сюжетов и образов. Характерным для литературной трактовки темы „женской чести“ в этой группе повестей является то, что в качестве „злого начала“ в них, в противоположность некоторым повестям более раннего времени, выступает мужчина — то соблазнитель, то клеветник, женщина же оказывается либо искушаемой, но остающейся верной женой, либо невинно оклеветанной девушкой или женщиной, самостоятельно разоблачающей своего противника. В „Гистории о российском дворянине Александре“ автор возлагает на мужчин всю вину за нарушение женщиной правил морали. Так, в беседе трех „кавалеров“ — двое признают женщину существом греховным, третий возражает: „Не оне, но вы виноваты!“²

Новое отношение к женщине проявляется и в двух характеризуемых ниже разновидностях повестей конца XVII и особенно начала XVIII века. Первая разновидность произведений с положительными женскими образами представлена в „Повести утешительной о купце, который заложился з другим о добродетели жены своей“³ и в ряде народных сказок.⁴ Вторая была известна до сих пор только по афанасьевским сказкам №№ 336 и 337; в повествовательной литературе XVII и XVIII веков она не была зарегистрирована. „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ пополняет, таким образом, наши сведения о литературной истории этой второй разновидности повестей с положительными женскими образами.

Содержание „Повести утешительной о купце, которой заложился з другим о добродетели жены своей“ и народных сказок на ту же тему в основных чертах таково.

Находящийся по торговым делам вне своего родного города купец А бьется об заклад с купцом Б, что последнему не удастся соблазнить

¹ О В. Кулакове и его коллекции см.: Б. Пере [с]. Археологическая коллекция В. Ф. Кулакова. Известия Архангельского общества изучения русского Севера, 1912, № 5, стр. 199—205; И. С. Абрамов. Краеведы-самоучки. Краеведение, 1928, № 2, стр. 95—96; В. И. Малышев. Отчет об археографической командировке 1950 г. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1951, стр. 367—368.

² В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII в., стр. 171.

³ А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР, т. 4, вып. 1 (повести, романы, сказания, сказки, рассказы). М.—Л., 1951, стр. 335; ср.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древне-русская повесть, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 181.

⁴ М. К. Азадовский. Русская сказка. Избранные мастера. т. II, Изд. „Academia“, М.—Л., 1932, стр. 311—365.

его, А, жену. В случае же если купец Б добьется своего, он должен в доказательство принести именное кольцо жены купца А и какой-либо из принадлежащих ей предметов или сообщить ее „тайную приметку“. Купец Б обманым образом достает именное кольцо (иногда он отрывает палец с кольцом у служанки, которую добродетельная жена купца А посылает вместо себя на ночное свидание с купцом Б), крадет какую-либо вещь жены купца А (пояс, перчатку и т. д.) или узнает ее „тайную приметку“ — родинку, бородавку, „золотые волоски под левой мышкой“ и т. д. Однако жене купца А удается разоблачить обманщика и доказать свою невинность.

Афанасьевские сказки №№ 336 и 337¹ представляют дальнейшее развитие фабулы повестей и сказок о верной жене. В них сюжетная сторона усложнена: муж — купец — заменен двумя персонажами — царем (или царевичем женихом) и братом невесты; жене купца здесь соответствует невеста-сестра одного из героев; вместо купца Б, соблазнителя, фигурирует „злющий“ или „завистливый генерал“, по разным соображениям не желающий, чтобы купеческая дочь стала царицей. Для усложнения фабулы вводится в эти сказки и эпизод с портретом сестры: царь или царевич видит этот портрет и заочно влюбляется в купеческую дочь. Неизменным остается в сказках по сравнению с повестями и сказками о „верной жене“ только один элемент — именное кольцо, которое, впрочем, никакой опознавательной роли здесь не играет.

Сопоставление сказок №№ 336 и 337 друг с другом свидетельствует, что перед нами две разновидности одной и той же первоначальной основы, в общем близкой к сюжету повестей и сказок о „верной жене“.

В обеих афанасьевских сказках действующими лицами являются дворяне (царь, царевич, генерал) и купцы (купеческий сын, его сестра). Надо полагать, что сказки эти сложились в купеческой среде и отразили соперничество господствующих классов петровской России. В сказке № 336 классовая мотивировка действий „злющего генерала“ дана обнаженно: „Эдак, пожалуй, — говорит злющий генерал, узнав о желании царя жениться на купеческой дочери, — придется нашим женам купчихе кланяться“.

Таким образом можно с некоторой степенью уверенности считать, что сказки №№ 336 и 337 явились результатом обработки старого сюжета под влиянием классовых (купеческих) интересов, отражавших политическое соперничество дворянства и торгового класса в петровскую эпоху.

„Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ является, по нашему мнению, дворянской переработкой сказок типа №№ 336 и 337, типа, в особенности близкого к первой сказке, в модный жанр авантюрно-галантной повести.

Ввиду полного отсутствия какой бы то ни было документации, — сказки №№ 336 и 337 известны лишь в записях середины XIX века, — можно только предположительно высказаться об отношении „Повести о гишпанском дворянине Карле и его сестре Софии“ к афанасьевским сказкам. В последних, как указано выше, есть один неизменный элемент, связывающий их с циклом повестей и сказок „о верной жене“, — именное кольцо. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ именного кольца уже нет, но „тайная приметка“ и перчатка

¹ За указание на однородные сюжеты русских сказок издатели приносят благодарность М. И. Маловой.

как один из принадлежащих невесте предметов сохранились. Это отсутствие именного кольца и сохранение других элементов сюжета „о верной жене“ может служить доводом в пользу предположения, что „Повесть о Карле“ более позднего происхождения, чем сказки №№ 336 и 337.

При сопоставлении фабулы „Повести о Карле“ и сказки № 336 не остается сомнения, что перед нами два разных социально окрашенных варианта одного и того же сюжета. В главнейших пунктах развития сюжета и в их последовательности и „Повесть о Карле“ и сказка № 336 полностью совпадают. Расхождения имеются в двух случаях: во-первых, в том, как портрет невесты попадает в руки короля Максимиана (в „Повести“) и царя (в сказке № 336); во-вторых, в той мотивировке, которой объясняется клевета генерал-фельдмаршала (в „Повести“) и „злющего генерала“ (в сказке).

В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ говорится о том, что по приезде в Париж герой поселился в трактире и что в это самое время вышел королевский указ об истреблении идолопоклонников. Жена трактирщика подсмотрела, что Карл по утрам целует портрет своей сестры; полагая, что в этом проявляется идолопоклонство гишпанского дворянина, трактирщица донесла о виденном непосредственно самому королю, в результате чего в руки последнего и попал портрет Софии.

В сказке же № 336 царь, во время посещения корабля, принадлежавшего купеческому сыну, увидел в хозяйской каюте портрет необыкновенной красавицы, как оказалось, — сестры хозяина.

Таково первое отличие „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. Как видно из изложенного, в „Повести“ портрет невесты попадает в руки второго героя гораздо более сложным путем, чем в сказке. Автор „Повести“ имел, очевидно, стремление сделать свое произведение сюжетно более занимательным и поэтому развил простой элемент сказки в псевдоисторический эпизод.

Гораздо интереснее второе отклонение „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ от сказки № 336. В сказке, как уже указано, козни „злющего генерала“ объясняются его опасением, что в случае женитьбы царя на купеческой дочери жене генерала придется „купчихе кланяться“. В „Повести“ же генерал-фельдмаршал оказывается „названным тестем“ короля Максимиана. „Умышленно, — говорит король в конце „Повести“, — оной генерал-фельдмаршал привел меня к тому, чтобы я в молодых letech сговорил к супружеству [его дочь] себе невесту, на что я и позволил...“ (л. 22).

Случайно или нет, но отношение короля Максимиана к дочери генерал-фельдмаршала очень напоминает отношение малолетнего Петра II к Екатерине Александровне Меншиковой, с которой он был сговорен в двенадцатилетнем возрасте почти против воли. У нас нет никаких прямых доказательств того, что в данном эпизоде „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ отразились отношения Петра II, Меншикова и его дочери, но в том, что эти отношения могли повлиять на обработку соответствующего эпизода „Повести“, мы полагаем, едва ли можно сомневаться.

Следует отметить, так как это может помочь нам в решении некоторых вопросов, связанных с „Повестью о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, что автор ее при описании ареста генерал-фельдмаршала и его семейства проявил, как нам кажется, большую осведо-

мленность в процедурной стороне дела, изображая факты чуть ли не как очевидец. Так, он сообщает об аресте самого генерал-фельдмаршала в королевском дворце, затем о том, что король Максимиан „послал на двор фельдмаршальской караул, чтобы з двора и на двор никого не пропускать, а фельдмаршальскую жену и дочь также держать под караулом по их спальням, чтобы друг друга и не видели“ (л. 22). Так мог писать какой-нибудь петербургский придворный чиновник, на глазах которого происходили аналогичные факты, как известно, весьма часто имевшие место в России в конце 1720-х — начале 1740-х годов.

Вообще, если внимательно вчитаться в текст „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“, складывается прочное убеждение, что произведение это было написано человеком, осведомленным о русских придворных порядках 1740—1750-х годов. В тексте „Повести“ встречаются специальные термины и названия чинов, возникшие частью в петровское время, частью позднее, но особенно характерные для 1740—1750-х годов: „викториальный день“ (л. 4), „пожаловать рангом“ (л. 3 об.), „дежурмаэор“ (л. 7 об.),¹ „ко двору не требовать, так и от команд не репортовать“ (л. 9 об.), „кавалерский генерал-адъютант“ (л. 22),² „ефимки“.³ К первой половине XVIII века относится принятая в „Повести“ орфография слова „корѣта“, идущая, очевидно, от верхнелужицкого слова „korjeta“, имеющего то же значение.⁴ К 1740—1750-м годам относится отличающееся от современного нам ударение в слове „каталик“ (вм. современного „католик“ — „каталик“; ср. у Ломоносова в „Письме о пользе стекла“, 1752, стихи 299—300:

Доказывает то подземной католик,
Кады златой его в костелах новых лик).

Некоторые обороты, в особенности описание венчания короля Максимиана и Софии, к сожалению, дошедшее до нас в испорченном виде, очень напоминают аналогичные обороты и описания в упоминавшихся „Журналах дежурных генерал-адъютантов“ и в „Камер-фурьерских журналах“ 1740—1750-х годов.

III

Выше указано, что новонайденная повесть по некоторым своим особенностям близка к „Гистории королевича Архилабона“ Петра Орлова (1750).

В самом деле, и в той и в другой повестях очень мало славянских и старорусских языковых черт. В „Гистории королевича Архилабона“ один только раз встречается старинная форма прошедшего времени

¹ О слове „дежурмайор“ см.: Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 99—100. — Написание „маэор“ характерно для 1740—1750-х годов.

² Кавалерские генерал-адъютанты появились в царствование Елизаветы Петровны — с 1741 года (см. Л. В. Евдокимов. Журналы дежурных генерал-адъютантов. Царствование имп. Елисаветы Петровны. Вып. 1. М., 1898, стр. 5, 9, 18 и т. д. Ср. также: Г. А. Милорадович. Список лиц свиты их величеств с царствования императора Петра I по 1886 г. Киев, 1886, стр. 5).

³ Ефимок — старинное название монеты „иоахимсталер“, обращавшейся в России до 1762 года.

⁴ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910—1914, стр. 298.

на *-ше* — „хотяше“,¹ во всем остальном эта повесть является хорошим образцом тогдашнего русского литературного языка, не усвоившего еще принципов ломоносовской стилистики. В „Повести о гишпанском королевиче Карле и сестре его Софии“ сохранилось больше черт старорого литературного языка: „нача“ (л. 2), „начат“ (л. 4 об. и л. 15), „зде“ (л. 8 об.), „паки“ (л. 13), „обаче“ (л. 15), „призвах“ (л. 15), „отверглся“ (л. 21 об.). Но за этими небольшими исключениями „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ написана таким же сравнительно чистым русским литературным языком, как и „Гистория королевича Архилабона“. Данная особенность выделяет обе эти повести из общей массы повестей первой половины XVIII века.

Общим для обеих повестей, — больше чем для „Гистории о российском матросе Василии Корнотском“, „Гистории о Александре“ и др., — является употребление таких иностранных слов, как „дежурный генерал-адъютант“, „ранг“ и др.

Несмотря на относительную чистоту языка обеих повестей, они все же тесно связаны со старорусской литературной традицией, только связь эта проявляется в каждой повести по-своему. Так, в „Гистории королевича Архилабона“ фантастический элемент играет первенствующую роль: король Фридрикус видит вещий сон, королевич Архилабон встречает чудесного белого коня Буслана, сражается с шестиглавым змием и в награду за свое великодушие получает от змия в подарок двух львов, являющихся в дальнейшем его верными хранителями и даже спасителями. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ нет никаких следов чудесного, это реалистическая новелла о находчивости и настойчивости энергичной молодой женщины, отстаивающей свое человеческое достоинство. Таким образом новая повесть примыкает к группе реалистических повестей типа повести о Карпе Сутулове.

В „Гистории королевича Архилабона“ связь со старой традицией, помимо фантастики, проявляется еще и в отношении к женщине. Королева Афродита, сестра Архилабона, имеет „злое сердце“,² она подговаривает королевича Бритона пойти войной на Архилабона; выведав у брата секрет его силы и слабости, она предательски сталкивает его в ящик, утыканный самыми острыми гвоздями, а затем бросает этот ящик в колодезь. Словом, королева Афродита — типичная „злая жена“ старорусской повести. Напротив, София в „Повести о гишпанском дворянине Карле“ является образцом скромности, честности, ума и человеческого достоинства.

Из сказанного можно было бы заключить, что новонайденная повесть не связана со старой повествовательной традицией. Это не так. В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ есть заметные следы влияния старой традиции. Королю Максимиану в первой части повести приданы черты гонителя христиан житийной литературы. Уже само имя его — имя римского императора, упоминаемого в житии мученика Никиты в качестве жестокого преследователя христиан. Правда, в „Повести о Карле“ король Максимиан издает указ против идолопоклонников, а не против христиан, но принципы изображения его остаются те же, что и в житийной литературе. Когда заподозренного в идолопоклонстве Карла привели к Максимиану, „тогда король страшным образом закричал: «Что ты за человек?..»“ (л. 2 об.).

¹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 107.

² Там же, стр. 103.

Далее, требуя от Карла ответа на вопрос, какую он картину целует, Максимиан, согласно житийной традиции, угрожает: „Скажи сущую правду. Ежели не объявишь, то прикажу немилостиво мучить“ (л. 3). По замыслу автора, слова эти были тоже произнесены „страшным образом“, так как далее говорится, что „оной дворянин испужался немилостивых словес королевских“. Такие черты король Максимиан сохраняет и в дальнейшем: когда фельдмаршал клеветает ему на Софию, король вызывает к себе Карла, „а как привели, то король грозно заговорил...“ (лл. 8—8 об.).

Таким образом весь эпизод с идолопоклонством в „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ разработан под несомненным влиянием старорусской литературной традиции житийного жанра. То обстоятельство, что в этом эпизоде преследуются не христиане, а идолопоклонники, существенной роли не играет, так как комплекс представлений о религиозной борьбе и о принимаемых ею формах сохраняется в „Повести“ без изменений по сравнению с житийной литературой.

Однако „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ интересна не тем, что она связана со старой традицией, — эта черта важна для нас как еще одно свидетельство оригинальности произведения. Историко-литературное значение его заключается в том, что в нем отразились новые общественные и литературные понятия — уважение к женской личности, отказ от фантастики, реалистичность изображения действующих лиц и их поступков, введение черт современных политических событий и т. д.

В „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ видны элементы зарождавшейся фразеологии будущего сентиментализма. Хотя начало „Повести“ утрачено, но и из контекста и из афанасьевских сказок №№ 336 и 337 явствует, что брат и сестра очень любят друг друга и что отъезд Карла очень опечалил Софию. Она ведет „как на себя, так и на всех дворовых черное платье делать и носить оное до самого приезда обратно в Мадрид брата своего, а сама толико в печаль вдалась, чтобы никуда з двора выхода не иметь и на улицу не выглядывать. Ежели когда и жалостно случатся, то выход иметь точию в сад з девицами и услажатся разными фруктами“ (л. 1). Карл так любит свою сестру, что, „как ложась спать, так и встав с постели“, целовал „персону¹ сестры своей Софии, яко самую ея“ (л. 1 об.). Эта черта Карла настолько была важна в глазах автора для характеристики героя, что о ней в „Повести“ говорится дважды: в недошедшем до нас начале и в том месте, откуда были только что приведены выдержки. Вот это место полностью: „Оной же дворянин, как выше упомянуто (разрядка наша, — П. Б. и В. М.), имел такой обычай, как ложась спать, так и встав с постели, целовать персону сестры своей Софии, яко самую ея“ (л. 1 об.).

Образ Карла занимает в „Повести“ значительное место. Очевидно, анонимный автор хотел в его лице изобразить если не идеального, то во всяком случае положительного героя, молодого человека своего времени. Карл приехал в Париж „для обучения, притом же и посмотреть здешнего града Парижа“ (л. 2 об.). Иными словами, цели его поездки за границу хотя и похожи на цели поездки российского дворянина Александра, но автор показывает своего героя с весьма выгодной стороны: Карл, в отличие от Александра, не вступает ни в какие амур-

¹ Портрет.

ные отношения с жительницами города, в котором проживает, ведет он себя, как полагается воспитанному юноше, и в результате достигает „чина и ранга“, делается „ковалерским генерал-адъютантом“.

София в свою очередь представляет положительный женский образ: она чувствительна, скромна, хорошо воспитана, как и ее брат, энергична, предприимчива, знает людей и т. д. В результате всего этого она также достигает высокого положения — становится королевой.

Очевидно автору „Повести о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ важно было показать, что личные достоинства человека — его ум, настойчивость и честность — создают ему положение в обществе, определяют его жизненный путь. В этом отношении новонайденная повесть должна быть поставлена рядом с „Гисторией о российском матросе Василии Кориотском“, герой которой — также дворянин — только своими личными способностями и достоинствами строит свою карьеру и достигает высшего положения в дворянском обществе — становится королем.

Таким образом „Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии“ отразила в себе ряд положительных черт, связывающих ее частично с петровской эпохой: признание личных свойств человека основой его общественной деятельности, уважение к личности женщины, реалистичность содержания и большую простоту языка.

В издании допущены следующие упрощения орфографии подлинника: титла раскрыты; ѣ в конце слов опущен; ъ, ѳ, і передаются через е, ф, и. Выносные буквы внесены в строку, причем выносные ж и б при слове „что“ передаются через же и бы, а выносное с возвратных глаголов передается через -ся. Пунктуация и употребление ѣ современные. Буквы и слова в квадратных скобках вставлены издателями в тех случаях, когда это требуется для правильного понимания текста, и тогда, когда они явно пропущены переписчиком или стерлись.

[ПОВЕСТЬ О ГИШПАНСКОМ ДВОРЯНИНЕ КАРЛЕ И СЕСТРЕ ЕГО СОФИИ]

...¹ как на себя, так и на всех дворов[ых] черное платье делать и носить оное до самого приезда обратно в Мадрит брата своего, а сама толико в печаль вдалась, чтобы никуда з двора выхода не иметь и на улицу не выглядывать. Ежели когда и жалостно случатся, то выход иметь точию в сад з девицами и услажатся разными фруктами.²

А гишпански[й] дворянин Карл при благополучной погоде несколько времени в пути приехал в Париж. И по приезде стал на квартиру у [о]дного трактирщика до времени, что еще с тутошними жители не имел обхождения никакова. В то время побликован указ [л. 1] королевский во всем французском государстве о идолопоклонниках, чтобы оных искоренять; и кто может проведать о таких людях, то прямо доносить его королевскому величеству, за что оныя доносители награждены быть имеют.

Оной же дворянин, как выше упомянуто, имел такой обычай: как ложась спать, так и встав с постели, целовать персону сестры своей Софии, яко самую ея. И в некоторое время поутру оное видала

¹ В рукописи перед этим недостает одного листа.

² В рукописи фруктами.

хозяйка, трактирщикова жена, как он целует патрет сестрин. И подумалось ей, так, конечно, оной дворянин не католицкаго закона, но идолопоклонник, а католицкой закон одним видом [л. 1 об.] держит; то хозяйка дворянина онаго в той полате, в которой он полате спал, заперла и,¹ замкнувши, побежала во дворец о сем объявить королю Максимилиану французскому.

И как пришла пред короля, нача объявлять, яко не в дальном времени приехал гишпанския земли дворянин сюда в Париж и стал на квартире, в доме у нас, которой и сказался нам закона каталитцкаго;² а онаго я присмотрела некакую картину по утрам, как бога, целует. И признала я, не имеет ли он какого идолопоклонничества, а о таких вашего величества указом повелено самим вам объявлять, и я онаго дворянина теперь заперши в доме моем, и до вашего величества пришла.

Тогда, выслушав, король послал со оною трактирщицею дежурн[аго] [л. 2] маэора и несколько гварди[и] салдат для взятья того гишпанскаго дворянина пред себя. И как онаго привели, тогда король страшным образом закрычал: „Что ты за человек?“. На что оной дворянин отвечивал: „Доношу вашему величеству, что я гишпанскаго государства дворянин“. Король: „Как тебя зовут?“. К[арл]: „Карлом“. К[ороль]: „Зачем сюда приехал?“. К[арл]: „Для обучения, притом же и посмотреть здешнаго града Парижа“. К[ороль]: „Которого ты закона?“. К[арл]: „Католицкаго“. К[ороль]: „А хозяйка на тебя доносит, что ты идолопоклонник“. К[арл]: „Никак, милостивый мой государь, я не идолопоклонник, но настоящей каталик“.³ К[ороль]: „Какую [л. 2 об.] ты картину целуешь? Скажи сущую правду. Ежели же не объявишь, то прикажу немилостиво мучить“. На что оной дворянин испужался немилостивых словес королевских, сказал: „Я особно могу вашему величеству донести о сей картине сущую правду, ежели угодно“.

И король онаго дворянину, в особую палату отведши, начал вопрошать: „Говори⁴ смело“. И оной дворянин отвечивал: „Милостивый государь мой! Подлинно вам доношу: сын есмь гишпанскаго министра Вильгельма, которой отец мой и здесь, во Франции, при вашем величестве неоднократно находился. Однако, уже ево не стало назат тому лет 12. И после [л. 3] смерти ево осталася я с сестрою моею малолетен и ныне здумал я посмотреть света, в таковых младых летах, и, во-первых, приехал сюда, в славны[й] град Париж. Что ж обогали меня, якобы идолопоклонник — и понапрасно. А целую не какую картину, то, правда, понеже оной патрет сестры моея родныя Софии. Помня и любя ея, и оное вашему величеству не скрытно объявляю“. И подал королю патрет сестры своея.

Король же, увидевши такую прекрасную персону, сказал: „Про отца твоего я довольно слышал, токмо подлинно ль сестра твоя такова и в какие лета?“. На что [Карл] отвечивал: „Конечно, [л. 3 об.] такова, а от роду только 18 лет“. И взяв король оную персону к себе, а ему объявил таким образом: „Слушай, мой друг! Живи ты ныне до времени при мне во дворце, а после пожалован будешь как рангом, так и жалованьем“. И вышедши из с той палаты оба, приказал король оной трактирщице в награждение за оной донос выдать 90 ефимков и отпустить в дом свой, а о дворянине Карле ево величество король то фельдмар-

¹ В рукописи или.

² В рукописи капалицкаго.

³ В рукописи какаталик.

⁴ В рукописи говорили.

шалу объявил: ему отвесть во дворце палату и дать лакея, а стол иметь с ковалерами. И так оной дворянин Карл остался во дворце.

А король [л. 4] Максимиан в то время был на зговоре, на дочери французского генерала-фельдмаршала, которая не весьма краснаго лица была, то король стал мыслить, чтобы фельдмаршала дочь оставить, а жениться гишпанскаго министра Вильгельма на дочери, а дворянина Карла — сестре Софии.

И во един день викториальный король французски[й] Максимиан всемилостивейше пожаловал гишпанскаго дворянина Карла в королевскаго камор-юнкера и жалование объявил по 200 ефимков на месяц, против протчих ковалеров неотменно. И начат король [л. 4 об.] особливо жаловать новопожалованнаго камор¹-юнкера так милостиво, что всегда с королем и кушал, чему как придворныя, так и [ ]² милостиво дивится принуждены, а генерал-фельдмаршал, названный королевски[й] тесть, всячески стал домогаться и провеживать об одном случае и придворных чрез немалые деньги, чтобы объявили ему, за что так в милости у короля новой камор-юнкер. И некоторые хотели об том стараться.

И один камор-паж подавал королю в спальню напитки и подав обратно вышел из спальни и остановился за дверьми слушать [л. 5] разговоров, понеже тут был камор-юнкер. И разговаривали секретно, каким образом из Гишпании взять сестру Карлову Софию для женидбы королю Максимиану.³ И как выслушав оныя слова, камор-паж побегал к генералу-фельдмаршалу объявить оныя разговоры, за что фельдмаршал подарил камор-пажу 1000 червонных. Потом генерал-фельдмаршал начал об оном печалиться и мыслить, какими бы интригами⁴ учинить, чтобы король французской гишпанскаго министра дщерь за себя не брал,⁵ а взял бы дочь ево.

И умыслил через несколько время короля Максимиана обманывать [л. 5 об.] таким образом. Приказал конюшенному своему обить большую корету черным сукном, також и цуговые шоры обить сукном тем же и лакеям своим черное платье и готовым быть для езды ко двору королевскому. Потом и сам фельдмаршал, в глубокой траур убравшись, поехал во дворец. И, приехавши, пошел в покои королевския и, пришед, пред короля, поклонился. И король стал спрашивать: „Господин фельдмаршал, объяви, пожалуй, какая у вас печаль незнатная [ль] [л. 6] учинилась, что в таком глубоком трауре приехал ко мне?“. И фельдмаршал ответствовал: „Конечно, милостивый государь, есть печаль не малая не мне одному — и вашему королевству. Однако, могу вам особно донести“. И король фельдмаршала взял за руку, пошли в спальню. И нача фельдмаршал говорить: „Изволили вы, милостивый государь, пожаловать при себе в камор-юнкеры гишпанскаго министра сына Карла, у котораго в Гишпании имеется сестра родная София, которую вы желаете за себя взять в жену, и об оной [л. 6 об.] вашему величеству чистую совесть доношу. Посылован был в Гишпанию на резиденцию от родителя вашего, назат тому спустя несколько лет, и был на резиденции при гишпанском дворе три года, и во всю мою бытность в Гишпании с показанною министерскою дочерью, а камор-юнкера вашего величества с сестрою Софиею [жил как с женою], и

¹ В рукописи калор.

² В рукописи, очевидно, какое-то слово пропущено.

³ В рукописи Максимиану.

⁴ В рукописи интригами.

⁵ В рукописи не брать.

платил ей по 50 червонных за каждую ночь. В Гишпании она называется первая гишпанская б. . . . Что ж донес об ней брат ей вашему величеству, что [л. 7] постоянного и честнаго жития, и то оболгал“. И король, оныя слова выслушав, того ж момента приказал камор-юнкера Карла арестовать и поставить караул, чтобы неисходно было. И дежурный¹ генерал-маэор шпагу² взял и поставил караул — гварди[и] сержанта и 12 человек рядовых, с таким паролем, чтобы ко оному камор-юнкеру никого не допускать, кроме того как кушанье принесут, и то принимать салдатам.

И камор-юнкер Карл стал себе разсуждать: „За что такой строгой арест получил, не знаю себе [л. 7 об.] вины никакой“. И спустя дня с три, стал просить караульнаго сержанта, чтобы послал за дежурным маэором, которой пожаловал пришел за некоторою нуждою. Тогда сержант послал салдата к господину маэору о сем донести, и дежур-маэор, не мало не мешкав, к камору-юнкеру и пришел. И камор-юнкер начал просить: „Покорно вас, моего государя, прошу, пожалуй, донеси его королевскому величеству о мне, бедном. Уже дни три под арестом держусь, а за какую вину, — то мне не объявлено“. И оной, выслушавши, маэор пошел прямо к королю и стал доносить о сем. И король оному маэору приказал камор-юнкера пред себя привести.

А как привели, то король [л. 8] грозно заговорил: „Скажи, пожалуй, чего ради ты, плут, наше величество обманываешь и про сестру свою ты, бездельник, насказал, что жития чеснаго, а она совершенная гишпанская б. . . ., о которой я подлинно чрез фельдмаршала своего уведомился, с которым она, скаредная, в Гишпании жила больше трех лет, как с мужем. А ты такую мерскую мне в жену выхваляешь“. На что камор-юнкер отвечивал: „Милостивый государь мой! Подлинно вашему величеству доношу,³ что за сестрою за моею никакова худа и б. . . . не слыхал и не знаю. К тому же, ваше величество, покорне прошу представить того фельдмаршала zde, чтобы о сестре моей донес при мне, каким образом он [л. 8 об.] с сестрою моею жил и знает ли какия нибуть приметы на теле сестры моей, и ежели какую приметку покажет, то виновен [я] смерти“. И король тогож дежур-маэора послал за фельдмаршалом, чтобы был во дворец немедля, а камор-юнкера велел в особую полату вывести.

Фельдмаршал во дворец приехал, пред короля пришед, поклонился, а король приказал камор-юнкера из другой полаты вывести тут же, где и сам изволил присудствовать, и сказал: „Ну, господин фельдмаршал, говори ныне прямо с камор-юнкером, как ты жил с ней и сколько времени?“. Фельдмаршал стал говорить камор-юнкеру, что „как-де я был в Гишпании на резиденции [л. 9] и жил с твоею с сестрою года три, как з женою“. На что камор-юнкер отвечал: „Изрядно! Когда жил, знаешь ли ты на теле какия приметныя пятна или знак какой? Скажи, пожалуй“. А фельдмаршал сказал: „За многопрошедшим⁴ временем не могу помнить, а есть у меня и описание тела ея, токмо в старых письмах, в архиве, и в скором времени сыскать нельзя“.

И камор-юнкер, подшед к королю, просил: „Милостивый государь мой! Прикажи оному фельдмаршалу такую опись сыскать, хотя сроком ваше величество повелит, а со мною показать хоть [л. 9 об.] такую милость, чтобы за караулом исходну быть с квартиры“. И король

¹ В рукописи дежурнаго.

² В рукописи и шпагу.

³ В рукописи доношо.

⁴ В рукописи многопрошедшим.

Максимиян фельдмаршалу объявил, что, конечно, [должен] сыскать опись для подлиннаго обличения сего камор-юнкера. Ежели не сыщешь, то сам неправ будешь. Фельдмаршал просил у короля сроку на четыре месяца, для разобрания старых архивных писем, чтобы его ни для чего ко двору не требовать, так и от команд не репортовать. И король фельдмаршалу приказал дать сроку на четыре месяца, а камор-юнкера содержать под честным арестом и с квартиры выходить токмо за караулом.

А фельдмаршал, возвратившись в дом свой, велел ворота запереть, никого не пускать и стал мыслить, что делать и каким образом о сем [л. 10] осведомиться. А ежели не обличу, то самому и всей моей фамилии притѣти [конец должен] будет. И вздумал так, чтобы самому ехать в Гишпанию и искать тайным образом, чтобы никто во Францы[и] не знал, кроме жены и детей, и некоторых ближних своих людей. Токмо взял с собой 30000 червонных. Для оного случая нанял легкое судно и, протѣвшись, поехал в Гишпанию.

И как в Гишпанию прибыл, на пристанище растатесь¹ вышел и пошел в Мадриду, яко французской земли дворянин. И, вшедши во град, стал спрашивать двора министра Вильгельма, и указали ему. Тогда оной французской дворянин против оного министерского двора нанял квартиру [л. 10 об.] великою ценою за два покоя 50 ефимков на месяц, кроме трактира. И всячески стал из окон смотреть, како бы увидеть министерскую дочь, хотя в лице. Не мог² оного улучшить уже близ месяца, понеже з двора никто никуда выхода не имеют, токмо со оного министерскаго двора едина старушка всякой день ходит. Тогда вышереченной французской дворянин об оном хозяйку свою испросил: „Какая ето старушка со двора всякой день ходит одна и куда?“. На что хозяйка сказала, что „оная министерской дочери мамка, а ходит в кирку“.³ И оной дворянин фальшивой стал в ту же кирку⁴ ходить, в которой и министерской [л. 11] дочери мамка ходит.

И в одно время, по совершении обедни, начал народ выходить из кирки,⁵ в том числе и мамка. Тогда подошед к ней французской дворянин и, поклонясь, говорит: „Моя государоня, пожалуйста, скажите о себе, кто вы таковы?“. На что оная старушка, остановившись, сказала, что я покойнаго министра Вильгельма служительница, а ныне службу при дщери его. И дворянин стал ее просить лестно к себе на квартиру, чтобы заежжого человека не оставила оным приятельством. И оная мамка от таковаго лукаваго человека не могла никоим способом отговориться и простотою [л. 11 об.] своею пошла ко оному. А как в покой пошла, то оной дворянин так принял ласково, яко бы мать родную: посадя ея за стол, сам стал водку⁶ подносить за здравие добрых сердец, и выпили. Тогда мамка стала торопиться домой, а оной дворянин стал унимать: „Пожалуй, матушка, посиди, я поистинне рад и для того столько матерью называю, помня истинную свою мать, понеже на вас очуль схожа была“. И подарил ея черного штофу, которого, хотя и не брала она, однако же сильно ей вручил, и, простившись, пошла в дом. И оной дворянин, до ворот провадивши, просил ея, чтобы и всегда посещением своим не оставляла, для того что [л. 12] знаемых никого нет.

¹ Так в рукописи.

² В рукописи не немог.

³⁻⁴ В рукописи керку.

⁵ В рукописи керки.

⁶ В рукописи водну.

И в некоторый день звал оную мамку к себе кушать, и она просилась у госпожи своей Софии, на что и уволила. И как она мамка пришла, то весьма ласково принял и начаша кушать. При сем немного подпили. Тогда дворянин лукавыми и хитрыми своими речью начал оную старушку спрашивать подробно о состоянии дома и кто в нем господа. Она подлинно стала говорить, что „дом покойного министра¹ Ви[ль]гельма, который был славен и в протчих государствах, а ныне оным² владеют дети его, сын Карл, которой отсюда отлучился во Францию уже 2-ой год. Писал прежде и письма сестре своей Софии, что там [л. 12 об.] при короле обретается камор-юнкером, а ныне уже месяца три³ как писем нет“. И паки дворянин спросил: „А сестра ево, госпожа ваша, в каких летах находится и собою какова?“ На что старушка отвечала: „Собою очень хороша, и против ея тела чистаго и красоты мало кто видал. Летами еще молода, только 20 лет“. Дворянин: „Скажи, матушка, пожалуй, на таких красавицах живут ли какие родимые пятна и приметы?“ Мамка ж, не зная его злого умышления, сказала: „Подлинно, что только имеется на теле ея одно черное пятно родимое и то невидимо, потому, что под правую титькою, а иных никаких примет нет“. И, когда выслушав оные, дворянин доволен стал быть сими разговорами и, подаривши ей паки штофу [л. 13], черного бархату, и отпустил с честью домой.

Сам же поутру рано, расплатясь с хозяином, возвратно поехал во Францию. И чрез несколько времени прибыл в дом свой тихим же образом, как и прежде упомянуто,⁴ к жене и дочери своей, однако с великою радостию, что желаемое получил, а приехал до сроку за три месяца. Потом п[р]иказал оной фельдмаршал ворота свои отворить, и кто к нему приедет, всякаго пущать.

И три дни спустя поехал во дворец [в] богато убранной корете. И как пришед пред короля, король спросил: „Что, господин фельдмаршал, справился ли и можешь ли камор-юнкера изболчить?“ На что фельдмар[шал] донес: „Милостивый мой государь, справился и камор-юнкера ясно изболчить [л. 13 об.] могу“. И послали по камор-юнкера, которого тут же и привели. Тогда фельдмаршал говорил при всех вслух: „Господин камор-юнкер, что у вашей сестры имеются приметы, а именно: черное пятно под правую титькою, которое бородавке подобно, а иных пятен никаких нет“. На что камор-юнкер сказал: „Так я столько виноват, а ныне оправдания никакова принести не могу“. И король объявил камору-юнкеру смерть за оное обманство. Тогда Карл, пришедши к королю, стал на колени и слезно просил, чтобы его уволить под караулом до сестры в Гишпанию, у которой ниже часа мешкать не будет, точию ея увидеть и назад возвратится. И король фельдмаршалу сказал: „Можно ли ево отпустить?“ На что фельдмаршал отвечал: „Можно, государь, под караулом, а утить ему некуда».

И по указу его величества короля Мак[л. 14]симиана откомандировали с камор-юнкером гварди[и] ундер-афидера и 8 человек салдат в Гишпанию, к сестры его для свидания, и обратно ехать немедля с ним во Францию. Потом из адмиралтейства⁵ к пристани подвели

¹ В рукописи после этого слова в квадратных скобках стоит дочь.

² В рукописи оным повторено дважды.

³ В рукописи три написано дважды.

⁴ В рукописи фраза как и прежде упомянуто заключена в квадратные скобки.

⁵ В рукописи адмиралтейства.

галиот небольшой¹ и поплыли в Гишпанию. И, приплывши к гишпанской пристане, пошел камор-юнкер к своему дому и за ним ундер-афицер и четыры² человека салдат. И уже близ бывши своих полат, тогда домашние его узнавши, госпоже своей Софии сказали, что братец приходил близ д[в]ора своего. И сестра его София, немедленно вышедши на двор и подошедши, хотела брата своего поцеловать, а Карл рукою [л. 14 об.] ударил сестру свою по щеке и сказал: „Ты мне не сестра, но б. . .!“ И, во[з]вратившись з двора обратно, пошел на судно.

Тогда София, изуемвшись, заплакала и начат размышлять, конечно, сие не просто. Обаче в бодрость пришла и призвах своего дворянина дала ему 100 червонных и приказала, каким бы нибуть способом проведать, что за причина. И дворецккой взял червонныя и побежал и, достигши на дороге одного салдата, спросил: „Ваша милость, откуда и зачем сюда приежали“. На что салдат отвечал: „Поди, братец, прочь от меня, какое тебе дело спрашивать“. И дворецккой тому салдату подарил 10 червонных. Вторично спросил. Тогда уже салдат объявил: „Мы-де из Франции приехали со оным камор-[л. 15]юнкером, который у нас под караулом, а в какой причине, подлинно не знаю, разве знает ундер-афицер. А оной камор-юнкер здешней гишпанец“. Притом дворецккой просил салдата, чтобы пожаловать хотя с судна своего господина ундер-афицера на пристанище ко мне, как оной гишпанец в каюту войдет. На что оной салдат учинить сие обещал.

И как на судно вошли, тогда Карл прямо в каюту пошел кушать, а салдат, ундер-афицера вызвавши, говорил: „Ваше благородие, некоторый человек на пристанище желает видеть“. И ундер-афицер пошел на пристань с салдатом. И дворецккой, увидевши, поклонился, говорил: „Возымел дерзновение, ваше благородие, попросить, чтобы вы [л. 15 об.] объявили вину приезда вашего сюда, за что и сам вам могу служить чем угодно“. И ундер-афицер об чем то задумался. То того ж момента дворецккой 50 червонных положивши в руку, говорит: „Пожалуй, мой государь, объяви мне, никакой бо дальней причины нет, но токмо, чтобы знал, а, истинно, никому не объявлю“. На что оный ундер-афицер начал сказывать, что оной гишпанец у нас под караулом, которой, бывши у нашего короля камор-юнкером, хвастал сестрою своею, у которой ныне были. И король хотел ей взять за себя, однако ж фельд-маршал королю объявил, что оная сестра его б. . . и фельдмаршал, будучи зде за резиденцию, жил с ней года 3, и за каждую ночь платил ей по 50 [л. 16] червонных. И за оное обманство королевское величество сего гишпанца осудил на смерть, и по приезде в Париж больше пяти дней оной гишпанец жив не будет. И, оное рассказавши, ундер-афицер обратно пошел на судно свое, а дворецккой в дом госпожи своей.

И, пришедши, оное все подробно госпоже своей сказал, чему София немало обрадовалась, что оную причину узнала, и того ж момента того же дворецкаго послала нанять вскоре корабль небольшой для езды во Францию, а сама стала убираться только с тремя девицами да з двумя лакеями. И с собою приказала взять богатое платье и все вещи бралиантовые и алмазные, да пять [л. 16 об.] тысяч червонных на расход, а дом и прочее приказала тому же дворянину, которой и прежде управлял³ у ей. И она приказала к той же пристане при-

¹ В рукописи *нобольше*.

² В рукописи *четытыры*.

³ В рукописи *управляел*.

весть и дожидаться того галиота одному человеку: как от пристани отвалит, то бы ей немедля сказать. И как французской галиот пошел в море, так караульной человек, того момента прибежавши, объявил Софии. Тогда она, п[р]остаясь со своими со всеми, поехала со своими девицами и лакеями в Париж.

И гишпанской корабль¹ от французского галиота плыли между собою не в дальном расстоянии. Токмо Карл не знал, что сестра ево за ним пловать, так же и ундер-афицер того не догадался. И чрез несколько времени пришел [л. 17] к Парижу. Изшедши на берег из галиота, пошли с камор-юнкером во дворец, котораго к королю пре[д]ставили. И король, увидевши Карла, сказал: „Видел ли сестру свою?“. На что Карл ответствовал: „Видел², милостивый государь“. И король сказал: „Ну, прости ныне и справляйся к смерти молитвами, на что и сроку даю тебе пять дней“. Тогда оногo Карла и в покаянную повели для исправления.

Того же дня в вечеру и гишпанской корабль приплыл в Париж, на котором министерская дочь София. И, пославши наперед себя человека своего, приказала нанять квартиру хорошую. Тогда оной человек, немедля сыскав, нанял³ помесечно, а на каждой месяц по 60 ефимков порядил. И она, госпожа, изшедши с корабля со своими [л. 17 об.] людьми, пошла на квартиру. И хозяева ея приняли ласково и спрашивали, откуда и зачем сюда изволили приехать, и она сказала себя быть из Гишпании, а зде в Париже некоторую нужу имею.

И по приезде своем, на трети[й] день, гишпанка послала человека своего для нанятия на целыя сутки богатой кореты цегувой, со всем убором, двух паж[ей] и кучера с фуриетором, а назаде два лакея будут. И между тем она гишпанка в богато убранное гишпанс[к]ое платье стала убират[ься], а лакей, прибежавши, объявил, что такую корету нанял за 50 червонных, которая корета и ко двору уже приехала и дожидается. А как та гишпанка, убравшись совсем, надела перчатку на левую руку, которая⁴ была по [л. 18] черному бархату вышита алмазами и бралаиянтами, тысячь на десять. И она перчатка делана на дороге самою Софиею для некотораго случая, о чем после упомянуто будет⁵. А правая рука⁶ без перчатки. И, вышедши ис квартиры, села в корету, приказала ехать прямо ко двору королевскому.

И как корета крыльцу стала подъезжать, тогда ис покоев королевских увидели придворныя ковалеры, что знатная дама приехала, которую не знают, и на лестнице встретили, из которых один кавалер взял за руку, повел. И она дама спросила: „Королевское величество у себя ли и в которых [л. 18 об.] покоях изволит быть?“. На что оный кавалер учтиво ответствовал, яко у себя, и привел в те покои, в которых король. Между прочим, уже некоторыя ковалеры объявили королю, что некоторой фамилии дама во дворец прибыла.

И король Максимиан в зале встретил ея почтительно, как надлежит дамскую персону, и спросил об ей фамилии, кто она такова. На что она дама ответствовала: „Доношу вашему величеству, что я гишпанская первая б. . .“. И король, оное услышав, подале стал и паки

¹ В рукописи король.

² В рукописи видял.

³ В рукописи нянял.

⁴ В рукописи после которая идет стояла в квадратных скобках.

⁵ В рукописи фраза о чем после упомянуто будет в квадратных скобках.

⁶ В рукописи рука повторено дважды.

вопросил: „Зачем приехала?“. Она же отвечала: „Я приехала, милостивый государь, до вашего величества просить прощения¹ на вашего генерала-фельдмаршала. Будучи [л. 19] у нас в Гишпании на резиденции жил со мною как з женою, в моем доме, три года и со оным фельдмаршалом договоренность была² платить мне по 50 червонных за каждую ночь, и оной фельдмаршал уплатил мне за полгода только 18250 ефимков, а за полтретья года 91250 ефимков не заплатил и, не сказавшись, уехал, а при отъезде увез у меня с правой руки перчатку, такую ж, какая ныне у меня на левой руке надета. Того ради, ваше величество, покорнейше прошу, чтобы указали оному фельдмаршалу со мною расплатится, дабы мне не приттить в раззорение, понеже я оно[го] фельдмаршала во всю³ [л. 19 об.] его бытность на своем коште содержала и довольствовалала“.

И, выслушав оное, король приказал послать за фельдмаршалом, сам же, вышедши в свою спальню, стал мыслить: „Боже мой, куда досадно, что она б. . . . Ежели бы не такого состояния была, то бы, конечно, женился на ней“. Тогда же о пришествии фельдмаршала королю возвестили. А гишпанка все во оном зале дожидалась оного и, [ко]гда увидела⁴ онаго, поклонилась, и он напротив, такожде честной комплемент отдал, а друг друга и не знают, как фельдмаршал ея, так и оная фельдмаршала.

В то же время королевское величество изволил выттить из спальной [л. 20] полата и рек: „Господин фельдмаршал, приехала ко мне сия б. . . . из Гишпании просит на тебя в недоплате ей денег, которыя она изчисляет 91250 ефимков, за то, что ты жил с нею в ея доме три [года] в бытность твою на резиденции. К тому же, увес ты у ей перчатку с правой руки, такую же, какую ныне имеет на левой руке, которая стоит больше 10 тысяч: И ты разделийся с нею, чтобы, «т[ы] жил», от ней более не слыхал“.

И фельдмаршал стал доносить: „Ваше королевское величество, я сей дамы не знаю, кто она такова, и с нею я в Гишпании не живал, в ея доме, и ни какими деньгами [л. 20 об.] не должен и перчатки не уваживал“. На что гишпанка ответствовала: „Напрасно изволил господин фельдмаршал а[т]пираться в том, что ты меня не знаешь и не жил со мной и деньгами не должен⁵ и перчатки не уваживал, ныне изволи⁶ присягнуть при королевском величестве. Я уже и уступлю, быть так, что пропало у его“.

Королевскому величеству оное отважное слово весьма понравилось и приказал послать за пастором, чтобы фельдмаршала привести к присяге. А как пастор пришел онаго фельдмаршала приводить к присяге в том, что оной гишпанки не знает и с нею не живал и деньгами не должен и перчатки не уваживал, тогда фельдмаршал присягнул при его короле[л. 21]вском величестве и при всех придворных кавалерах.

Тогда же оная гишпанка подбежала к королю, встала на колени и со слезами стала благодарить за такую королевскую милость. Притом же попросила в свободе о смертной казни брата своего Карла, которой был у вашего королевскаго величества камор-юнкером и осужден напрасно за меня, якобы я первая гишпанская б. . . ., а ныне, ваше величество,

¹ В рукописи прощения.

² В рукописи было.

³ В рукописи во всю повторена дважды.

⁴ В рукописи увидяла.

⁵ В рукописи джен.

⁶ В рукописи изволил.

сами изволили усмотреть фельдмаршалово ухищренное умышление и напрасное обошение чести моей, чего он и сам под присягою отверглся, что подлинно не знает меня, да и знать ему негде и нельзя. Изволите, милостивый государь, рассудить, в каких я еще летех [л. 21 об.] нахожусь, истинно мне только 20 лет, о чем может знать и его величество король¹ гишпански[й], какова я велика осталась по смерти отца моего, министра Вильгельма. А оной фельдмаршал, может быть, что бывал в Гишпании на резиденции в то время, как я еще не родилась“.²

И король, оное выслушав, весьма обрадовался и приказал в тотчас представить камор-юнкера, сам же изволил выйтти в спальню и, взявша тот патрет Софии, и посмотрел на самую ея и патретец и весьма схожа и гораздо перваго, стал быть весел. И, позвавши в спальню к себе генерала-адъютанта, приказал, чтобы фельдмаршала ныне из дворца вон и не выпускать и смотреть за ним всячески. Так же и послать [л. 22] на двор фельдмаршальской караул, чтобы з двора и на двор никого не пропускать, а фельдмаршальскую жену и дочь такожде держать под караулом по их спальням, чт[обы] друг друга и не видели. И, отдав оной приказ, изволил из спальни выступить.

А камор-юнкер уже приведен. И, увидевши король оного, милостивно говорил: „Ждал ли ты в гости сестру свою?“. На что оной Карл отвечал: „Никак, милостивый мой государь, и в мысли онаго не было“. И король сказал: „Ныне я настоящую правду сыскал, что фельдмаршал сестру твою обносил умышленно и тебя было вовсе погубил, и за такое твое терпение жалую тебя при мне первым ковалерским генерал-адъютантом, також [л. 22 об.] в награждение сестре твоей . . . 0000³ червонных за ея труд, что она сюда приехала“.

[С] фельдмаршала приказал снять шпагу и посадить под крепкой арест, что того же часа и учинено.

На другой же день королевским указом повелено, чтобы збирались во дворец как министерство, так и генеральство и все знатныя ковалеры для некотораго королевскаго дела секретнаго. Притом же к[о]роль Максимиан приказал оному новопожалованному генералу-адъютанту сестру свою до ея квартиры довадить. Сам же король уже, как честную даму, [и]з зала провожал и возвратился в спальню свою [л. 23].

И на оной вышереченной второй день, во дворец собравшись, министр[ы] и генеральство, прочия знатныя ковалеры сели на места свои. Тогда и сам королевское величество изволил приттти, а за ним генерал-адъютант Карл с придворными ковалерами. Тогда его королевское величество объявил вслух всем, что надлежит быть суду над генералом-фельдмаршалом в его преступлениях: умышленно оной генерал-фельдмаршал привел меня к тому, чтобы я в молодых летех сговорил к супружеству себ[е] невесту, на что я и поизв[о]лил, но он,⁴ фельдмаршал, не имея такого старания, что по моему достоинству [л. 23 об.] . . .⁵ . . . своей невесте ея высочестве гра[фи]ни София обер-каморгером. Притом же пожаловал и ковалерию французскаго ордена. Потом и другим многим знатым персонам перемена была. Притом же его королевское величество к обрученной невесте определил придворных штат ковалеров и обер-гофместерин и многих знатных девиц и по многом весели[и].

¹ В рукописи король повторено дважды.

² В рукописи породилась.

³ В рукописи значащая цифра стерлась, так как она приходилась на слаб. листа.

⁴ В рукописи нь.

⁵ Далее в рукописи утерян лист.

обрученной невесте ея высочество государыня София изволила собраться [со] своими со всеми в дом свой ехать. И королевское величество изволил сам провождать до крыльца. И ея высочество, севши в корету, приказала против себя сесть оберго[ф]местерине своей, а протчи[и] дамы и девицы в своей кореты сели. И его королевское величество [л. 24] [направил]ся [в] свои покои. Потом [гости] все разъехались по домам своим [близко] не поутру.

И как по приказу [ея] величества учредили великую церемонию для венчания их величеств, тогда во все французское государство побликовано, чтобы... [знали] оное и бога молили о здравии ея высочеству.

И в назначенный день, с ве[ликою] церемониею его королев[ское] величество на обрученной своей... высочестве государыне... При сем была пушечная польба от стоящих в парат [пра...пускать] был беглый огонь... венчания был.

И его королевское величество изволил приказать... [из казны] своя [в] народ разбросать немалая... монетах и всему [народу отворены] были погреба... [л. 24 об.]¹

— — —

---

¹ Далее в рукописи утерян последний лист.